

Социологическая публицистика

© 2024 г.

Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ

ПОЧЕМУ СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ОБЪЯСНИМА, НО НЕПРЕДСКАЗУЕМА, ИЛИ КАК СВОБОДА РОЖДАЕТ ДЕТЕРМИНИЗМ?

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович – кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов им. Патрика Лумумбы; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (dpodvoiski@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлена критическая реинтерпретация и реконструкция одной из ключевых проблем научного обществоведения: как возможно логически непротиворечивое и эмпирически обоснованное объяснение социальных феноменов, порождаемых волюнтаризмом действий человека, сцепляемых в сложносоставные комбинации, казалось бы, бесконечно множественной контингентностью? Иначе говоря, речь идет о попытке ответа на вопросы: как логически воображаемая контингентность способна порождать на эмпирическом уровне элементы порядка, почему социальные интеракции обладают относительной устойчивостью и воспроизводимым характером, какую роль в процессах морфогенеза общества играют т.н. непредвиденные последствия социально ориентированных (но продиктованных «личными мотивами») человеческих поступков?

Ключевые слова: каузальность • причинно-следственные связи • закономерность • свобода воли • контингентность • социальное действие • социальное отношение • социальные институты • методология социальных и гуманитарных наук

DOI: 10.31857/S0132162524070141

Многим коллегам по социально-гуманитарному цеху, по их собственным признаниям, доводилось становиться участниками или свидетелями хмельных вагонно-кухонных разговоров, травмирующих их профессиональную идентичность. В подобных беседах, призванных выяснить, кто чего на белом свете сто́ит, хотя в итоге ничего не выясняющих, ключевую роль обычно играет дискурсивно доминирующий персонаж-обвинитель, которого условно можно назвать «технарём» (при всей неопределенности такой номинации). В качестве обвиняемого/жертвы выступает тот, кого принято именовать на обыденном языке «гуманитарием»¹.

Исследование подготовлено при поддержке РФФ, проект № 24-18-00440.

¹ Нет необходимости давать определения весьма нечетких множеств «технарей» и «гуманитариев» как номинаций, активно используемых в повседневном словоупотреблении. Грубо говоря, «технарь» – это тот, кто выступает на стороне «точных» наук и их инженерных приложений, а «гуманитарий» связан с широкой областью знаний о человеческом обществе, культуре, истории и т.п.

Технар: Ну что ты, гуманитарий, там изучаешь? Говоришь – человека, общество, культуру...? И еще ты говоришь, что занимаешься наукой? Вот смотри, допустим: яблоко на столе лежит, мы можем его катать, подбрасывать, на пол уронить, в окно выкинуть, порезать, сок из него выдавить, шарлотку испечь (хотя одного яблока для этого не хватит). Осторожно, яблоко кислое, потому что это антоновка... Можно еще долго описывать этот объект, мы, в сущности, довольно много можем о нем узнать, если только захотим, или спросим у физика, химика, ботаника, агронома, кулинарных дел мастера. Теперь скажи, гуманитарий, – что ты можешь сказать про своего человека, про его мысли, намерения, устремления или про людей, двух, трех, сотни, миллионы, как они поступят через минуту, завтра, послезавтра? Вот про меня, например, например, что мне придет в голову сейчас сделать, хотя бы с этим яблоком – съесть, с тобой поделиться, в карман убрать или бросить об стену, все это я могу. И еще бог знает что, – имеются тысячи вариантов. Потому что у меня и у тебя есть «свобода воли», а у яблока ее нет. Яблоко предсказуемо, а его хозяин – нет. Какая тут наука может быть? О яблоках – допустим, а о людях – сомневаюсь. О последних можно только домыслы строить и рассуждать приблизительно, – никакой точности. Вот тебе и наука, пустые разговоры одни. Поэтому есть науки о природе и математика, все остальное ерунда, жалкие потуги, пародия на науку...

Ну что тут, в самом деле, ответишь? А отвечать надо: хотя бы самому себе, не хочется ведь всю жизнь заниматься ерундой или тем, что большинство людей ерундой считают. Надо как-то защищаться или бросать заниматься всякими несерьезными вещами. Можно было бы конечно отреагировать отчасти эмоционально, сказав, что наш воображаемый обвинитель просто не осведомлен о реальных исследовательских практиках «неестественных» наук. Но тем не менее, положи руку на сердце, следует признать: определенная логика в его рассуждениях имеется, а сам их строй соотносится с тем, что принято называть здравым смыслом, а здравый смысл заслуживает того, чтобы с ним как минимум считаться, и т.д.

Разумеется, гуманитарий и обществовед не являются такими уж незадачливыми фигурами, и они, конечно, умеют гнуть свою линию, отстаивать ее и сопротивляться. Тот, кого называют гуманитарием не в расхожем, а в более узком смысле, может честно сказать: да, наша работа несравнима с работой физика, то, что мы делаем – действительно, не *science* (а, скорее, *artes liberales*). Представители же социальных (или, выражаясь на американский манер, – поведенческих) наук более склонны воспринимать аргументы наивной сциентистской критики на свой счет, она им может даже сниться, а наяву представлять как болезненный детский комплекс неполноценности, от которого очень хочется, в конце концов, избавиться. Позитивизм стал простым ответом на все упреки: да, мы пока не физики, но подождите, мы попробуем ими стать – стать настоящими социальными физиками. Еще не вечер, будет праздник и на нашей улице, нам нужно время. Но времени прошло довольно много, а до физиков обществоведам все еще так же далеко.

Если же говорить шире, нешуточная озабоченность методологическими проблемами использовалась социальными науками как своего рода лекарство от ночных кошмаров и «нечистой совести». Зацикленность на методологических вопросах для некоторых дисциплинарных вариаций обществоведения превратилась в легко узнаваемый элемент имиджа. Именно эта особенность социально-научного знания схвачена в ироничном замечании Анри Пуанкаре, окрестившего социологию, как бы между прочим, наукой очень богатой методами, но бедной результатами.

Исследователь дел и страстей человеческих, культуры и общества, как пациент психоаналитика, может спросить сам себя: что же все-таки со мной не так, почему я недоотягиваю (в глазах ли окружающих, или в собственных глазах) до планки, преодоление которой дает право носить гордое имя ученого. И ответ будет очень простым. Объект, на изучение которого я претендую, – это какое-то думающее, чувствующее, волящее «яблоко» с руками и ногами, мотивами и желаниями, «косяками» и «тараканами», т.е., по сути, и не яблоко вовсе, а существо, обладающее беспрецедентно высоким уровнем

избирательности реагирования на вызовы собственной жизненной среды, «слишком уж умная обезьяна», запросто разрушающая когнитивные шаблоны тех, кто пытается объяснить ее поведение. Исключительность положения этого прямоходящего примата в мире природы определяется следующим обстоятельством. Поведением животных управляют инстинкты (хотя человек, конечно, тоже животное!). В этом смысле животное в известном смысле можно назвать рабом инстинкта. У человека же поверх инстинктов, в дополнение к ним (и отчасти взамен) есть намерения, стремления, цели и они могут быть разные. Люди могут совершать сознательный выбор из сотен альтернатив действия.

Но означает ли это, что надо опускать руки? Конечно же, нет? Надо начинать разбираться. И если у нас не получается все так же хорошо, как у виртуозов науки (типа физиков), это не значит, что надо отчаиваться и переставать пробовать (грызть малосъедобный научный гранит).

Картина мира классической европейской науки Нового времени содержит допущение о действии принципов детерминизма в природе. Самая простая версия детерминизма – механистический или лапласовский детерминизм: если нам даны координаты объекта в пространстве в определенный момент времени и «функция», описывающая движение данного объекта, мы можем предсказать (высчитать) его положение в любой момент времени. В этом смысле большинство физических закономерностей могут быть выражены на математическом языке в формате $y = f(x)$. Между рядами значений зависимой и независимой переменных существуют некоторые функциональные связи, т.е. взаимно однозначные соответствия. Иначе говоря, явления в природе как-то взаимообусловлены, выступают в качестве элементов причинно-следственных (каузальных) цепочек.

За спиной устойчивых, регулярных и повторяющихся связей и отношений между феноменами, возможно, скрываются какие-то законы мироздания. Но это не точно, – может, скрываются, а может, и нет. Если ученый работает в последовательно феноменалистской традиции, он не обязан обнаруживать сущности, вскрывать глубинные, ноуменальные пласты исследуемых им отношений между фактами. Для него достаточно и того, что его теория говорит: определенные группы событий связаны так-то и так-то. Если исследователь претендует на большее, он может спросить: а почему они именно так связаны, или даже какой в этом смысл (хотя во втором случае он уже меняет оптику ученого на оптику философа). То есть каузальность можно понимать объективистски как отражение каких-то действительных, бытийственных закономерностей, а можно феноменалистски – и тогда в опыте нам даны лишь корреляции, т.е. некоторые эмпирически фиксируемые зависимости между наблюдаемыми фактами.

Но о людях как существах, наделенных сознанием и волей, обуреваемых чувствами и эмоциями, – что можно сказать о них? Подпадают ли они под действие принципа универсального детерминизма или этот принцип на людей не распространяется? Каждый человек переживает свою действительную или мнимую свободу по-своему. Кто-то верит, что может свернуть горы (тот, кому море по колено), кто-то, напротив, чувствует себя повязанным по рукам и ногам, кто-то сомневается, осторожничает, не может решиться, какой вариант предпочесть. Но все же человеку даны в тех или иных пределах ситуации возможного выбора: пользоваться левой или правой конечностью при вставании с постели (если обе в наличии и нормально работают), между ложкой каши и глотком чая (если и то и другое стоит на столе, и никто не регламентирует, с чего начинать), между «белявой, чернявой и рыжей кучерявой» (с кем сегодня вечером пойти погулять), и т.п. И решает только он, никто другой. Результат никогда заранее неизвестен, как в примере с судьбой яблока, находящейся в руках человека.

Если вывести разговор на макроуровень, то на передний план неизбежно выходит старая проблема роли личности в истории. Безусловно, эта роль высока. Но означает ли это, что историческое развитие человечества является царством случайности (притом, что наука обычно признавалась ее непримиримым врагом). Известно высказывание Б. Паскаля об исторической роли носа Клеопатры. Действительно, египетская царица была

весьма влиятельной женщиной, и некоторые детали ее характера и внешности могли сказываться на ее отношениях с не менее влиятельными мужчинами, такими как Юлий Цезарь и Марк Антоний... Всерьез или в шутку французы говорят о зависимости неуспеха русского похода 1812 г. от поразившего Наполеона накануне или в момент Бородинского сражения насморка... Возможно, выпускник Казанского университета и сын действительного статского советника Владимир Ульянов стал бы обычным провинциальным юристом в одном из волжских городов, и рано или поздно был бы представлен за свои труды к третьестепенной государственной награде, ... если бы не казнь брата. И некому было бы тогда приезжать в Петроград на Финляндский вокзал, толкать речь с броневика, писать апрельские тезисы и скрываться в Разливе. Хотя и нет никакой уверенности в том, что в таком случае «вождем мирового пролетариата» не стал бы какой-то другой человек (конкретные подробности биографии того, «другого» революционного лидера были бы, естественно, иными). В среде нонконформистской интеллигенции позднего СССР гуляла ироничная «байка», что, мол, реальная судьба молодой Советской России фактически была решена благодаря исходу конкретной битвы между красными латышскими стрелками и белочехами... И т.д. и т.п. в том же духе.

Следует признать, что прошлое любой страны или народа при изменении ряда обстоятельств могло бы стать каким-то иным, – либо «физиономически» иным (выражаясь в стиле Г.В. Плеханова [Плеханов, 1956]), либо даже принципиально иным. Мы также понимаем, что новейшая история в любой точке мира пишется у нас на глазах. Будущее открыто, непредзадано: что будет завтра, в точности никто не знает. Ни Белый дом, ни Кремль, ни Елисейский дворец, ни Даунинг-стрит 10 не являются идеально работающими «социальными метеостанциями», способными планировать и прогнозировать состояние общества с высокой точностью. Ход событий складывается из бесчисленного множества «мелочей», которые вычерчивают самые неожиданные траектории движения общества как динамической системы. Ни у кого нет контроля над событиями, позволяющего угадать, где Аннушка прольет подсолнечное масло, и чем конкретно это малопримечательное событие может обернуться.

Но когда будущее становится прошлым, оно превращается в предмет причинного анализа, доступный для исторической науки. Поэтому про дела дней минувших историк вправе сказать, – это событие явилось следствием такого-то и такого-то набора (стечения, констелляции) условий и обстоятельств. Детерминизм истории как науки всегда носит конкретный и ретроспективный характер. События прошлого уже свершились, остается лишь размотать их конкретный клубок в направлении от дня сегодняшнего к истокам, а потом смотать обратно, показав, как и почему в определенный момент времени в определенном месте образовался именно такой «букет» из фактов.

Это и значит, в сущности, что история объяснима постфактум, но непредсказуема. Того, что еще не свершилось, попросту не существует, и о нем можно только гадать, потому что люди еще не начертили на песке будущего узор из своих чувств и мыслей, мотивов и стремлений, целей и поступков. Известно, что историк при работе с фактами обычно использует идиографическую (индивидуализирующую) методологическую стратегию. Иначе говоря, его интересует уникальный и неповторимый характер сложившегося узора исторического прошлого человеческих обществ. Другие представители гуманитарно-обществоведческого профессионального цеха обычно рассчитывают на нечто большее. Их интересуют именно регулярности, а не индивидуальные композиции феноменов. Эту познавательную стратегию со времен В. Виндельбанда и Г. Риккерта принято называть номотетической (или генерализирующей) [Риккерт, 1997; 1998; Виндельбанд, 1901; Момджян, 2015].

Номотетические науки об обществе, например, социология, пытаются формулировать обобщения, более или менее аналогичные тем, которые выводит теоретическое естествознание. Закономерности, выявляемые науками о природе, имеют вид: если имеет место событие/причина *a* (набор событий/причин *b*, *c*, *d* ... и т.д.) при наличии начальных

условий (e , f , g , и т.д.), есть основания ожидать события / следствия k . В ряде случаев такие связи между событиями можно описать в количественных величинах – даже когда речь идет о людях и их «осмысленных» поступках: среднестатистическая женщина в современных обществах рождает реже, чем в обществах традиционных; число эгоистических самоубийств среди представителей определенной группы (по Э. Дюркгейму) обратно пропорционально степени ее интегрированности, и т.п.

Но спрашивается, а как же свобода воли и «контингентность» человеческих мотивов и поступков, о которых нам постоянно напоминает здравый смысл нашего воображаемого (наивного, но упрямого) собеседника?

Ш. де Монтескьё, один из самых социологически мыслящих интеллектуалов XVIII столетия, писал: «Миром управляет не фортуна... Если случайно проигранная битва, т.е. частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы» [Монтескьё, 2002: 356-357]. Он же позднее сформулировал программное положение детерминизма, осторожно выходявшего на минное поле общественной жизни как специфического предмета научного исследования: «Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии» [Монтескьё, 1999: 7]. Вероятно, к этому высказыванию можно было бы прибавить, что сама человеческая фантазия не столь уж «произвольна» и необъяснима, как может казаться с первого взгляда.

Социологический детерминизм хитер, он вырастает из свободы индивида, значимых и не очень значимых личностей и орудует в мире общественных отношений при ее участии. Поэтому-то, собственно, и оказывается возможен номотетический каузальный анализ хитросплетений, образующих замысловатую, узорчатую ткань социальной жизни. Но как это доказать?

Как можно научно объяснить человека как над-, сверх- и более-чем-биологическое существо? Хотя и биология, надо признаться, может в человеке многое объяснить. К биологии примыкает психология, для которой человек также не является какой-то таинственной, загадочной, потаенной сущностью. Психолог, глядя на конкретного индивида, может сказать: вот перед вами интроверт, меланхолик, тревожный, страдающий обсессивно-компульсивным расстройством. У человека есть разные потребности (с биологией эта область стыкуется непосредственно), характер, темперамент, врожденные и выработанные наклонности, установки. Социолог прибавит к этому: человека (его поведенческие и ментальные особенности) просто из него самого, как такового, как отдельно взятого индивида, вырванного из его среды, полностью объяснить не получится. Его всегда кто-то окружает или окружал в прошлом. Здесь уместно вспомнить азбучную истину из старейшей доброй интеракционистской традиции: человек становится сам собой, т.е. личностью, лишь потому, что вокруг существуют другие. Разговор, который готов вести и поддерживать социолог, касается на самом деле не человека самого по себе, но *людей*. Для социолога человек объясним, прежде всего, потому, что он не один.

Возьмем, к примеру, простейший случай социального взаимодействия двоих индивидов. Пускай это будут дядя Ваня и тетя Груня, которые моются в колхозной бане (в то самое время, напомним, когда местные парни снимают урожай спелых вишен из их сада). Можно спросить: а что здесь, собственно, происходит? Сказано предельно ясно: дядя V (Ego) купает тетю G (Alter). Скорее всего, у участников интеракции существует определенный уровень «согласия» по поводу происходящего. Этот порой трудно достигаемый консенсус держится на обоюдности ролевых ожиданий партнеров. Я знаю, чего в данный момент ждет от меня Другой. У него могут быть на сей счет свои мотивы, не обязательно совпадающие с моими, главное, чтобы известный обоим паттерн взаимодействия фактически не нарушался. Я поступаю соответственно (исходя уже из моих собственных соображений и предпочтений). Он ведет себя аналогичным образом. В итоге акторы демонстрируют обоюдно конформные реакции. Основанная на «определенности в системе

экспектаций» интеракция обеспечивает социальную интеграцию на микроуровне. Структуры общества воспроизводятся во времени; социальный порядок поддерживается; «гоббсова проблема» решается практически (не на страницах учебника по социологии, а в бане).

Ego и Alter более или менее поняли намерения друг друга, особенности ситуации, оценили обстановку, и делают что-то известное им (откуда-то), возможно, даже привычное. И они без всякого И. Гофмана представляют себе, что такое «ситуативная уместность». У обоих есть тела, говоря языком Т. Парсонса, «поведенческие организмы». Есть большой и малый реквизит: парная, предбанник, веники, мыло, корыто, набор ковшиков, вода в бочке. Есть цели и средства, нормы и ценности. Откуда Ego и Alter знают как надо себя вести? – Им в этом деле помогают социализация, обеспечивающая (интернализацию / усвоение ценностей и образцов), культура и социальный контроль [Парсонс, 2000]. Актеры могут фактически или хотя бы мысленно поменяться местами. Это значит, что, как сказал бы А. Шюц, в описываемом случае, как и в тысячах других, действуют идеализации «взаимности перспектив» [Шюц, 2004: 14–16].

Когда дядя и тетя, чистые и довольные, вернутся домой, они будут удивлены, и даже, наверное, расстроены, потому что их вишневый сад ободрали, и это происходит не так уж часто. Но это будет потом, а пока они просто моются. Возможно, парни знали, что у дяди Вани сегодня банный день, хотя у него могли измениться планы, он остался бы дома, и тогда взаимодействие пошло бы по другому сценарию, и парням, наверное, не поздоровилось бы.

Можно чуточку изменить состав участников взаимодействия, и вспомнить случай, произошедший однажды вечером в самом центре Одессы, в доме на углу Дерibasовской и Ришельевской. При всей гротескности, вмонтированной в песенный нарратив, все же можно сказать, что ни о чем абсолютно невообразимом история бабушки и налетчиков не повествует. Все участники описываемой в песне пикантной интеракции тоже знали, каждый в уготованной ему роли и на свой лад, что здесь/тут, собственно, происходит. Чтобы повторить свидание с налетчиками, бабушка открывает все двери и даже жарит курицу.

Все это является свидетельством того, что люди в абсолютном большинстве случаев строят взаимодействия друг с другом в соответствии с определенными явными или латентными правилами, а если и нарушают их, то просто ориентируясь на другие (альтернативные) системы социальной регуляции, т.е. на контрправила. Поэтому в конкретных ситуациях взаимодействия множественная контингентность, чреватая в практической жизни хаосом, обычно «схлопывается», максимально «редуцируется», раскладываясь на ограниченное количество потенциально представимых исходов. Формула «может произойти все что угодно» («от него / от нее можно чего угодно ожидать») преобразуется в формулу «скорее всего, произойдет то-то и то-то». Например, дедушка опять будет рассказывать старый армейский анекдот, который рассмешит из сидящих за столом только его одного, но улыбнутся при этом все, проявляя тем самым тактичность в отношении конкретного игрока, поскольку никто из собравшихся не заинтересован в нарушении «нормального» хода семейного торжества. А подвыпивший технарь, несмотря на свою декларированную «непредсказуемость», закончит свою разгромную речь, направленную против гуманитария, несколько подобрев, произнесением «высоко оригинального» тоста «Ну, в общем, ты понял?! За кибернетику!» А гуманитарий ответит столь же типичным и ситуативно уместным для его позиции в разговоре кивком головы и поднятием стакана.

Из взаимных действий образуется социальное отношение, которое может приобретать черты устойчивости и постоянства, хотя сами поступки акторов, порождающие их мотивации и установки совершенно необязательно должны быть симметричными. В обсуждаемом контексте обращает на себя внимание следующий отрывок из веберовских «Основных социологических понятий»:

«Социальным “отношением” мы будем называть поведение нескольких людей, соотнесенное по своему смыслу друг с другом и ориентирующееся на это... Содержание этого

отношения может быть самым различным: борьба, вражда, любовь, дружба, уважение, рыночный обмен, “выполнение” соглашения, “уклонение” или отказ от него, соперничество экономического, эротического или какого-либо иного характера... Таким образом, понятие “социальное отношение” как таковое ничего не говорит о том, идет ли речь о “солидарности” действующих лиц или о прямо противоположном...

...Социальное отношение имеется даже в тех случаях, когда речь идет о таких социальных образованиях, как “государство”, “церковь”, “сообщество”, “брак” и т.д. и полностью и исключительно состоит в возможности того, что доступное определению действие, соотношенное с действием другого по своему смыслу, было, есть и будет...

...Мы никоим образом не утверждаем, что индивиды, соотносящие свое поведение друг с другом, вкладывают в социальное отношение одинаковый смысл или что каждый из них внутренне принимает смысл установки своего контрагента, что, следовательно, в этом смысле здесь существует взаимность. “Дружба”, “любовь”, “уважение”, “верность договору”, “чувство национальной общности”, присущие одной стороне, могут наталкиваться на прямо противоположные установки другой. Если данные индивиды связывают со своим поведением различный смысл, социальное отношение является объективно “односторонним” для каждого из его участников. Однако и в этом случае их поведение соотносено, поскольку действующий индивид предполагает (может быть, ошибаясь или в какой-то степени неверно), что определенная установка по отношению к нему (действующему лицу) присуща и его партнеру, и на такое ожидание он ориентирует свое поведение, что может, в свою очередь, иметь (и обычно имеет) серьезные последствия как для его поведения, так и для дальнейших отношений между данными индивидами. Объективно “двусторонним” отношение может быть лишь постольку, поскольку его содержание соотносено таким образом, что оно соответствует ожиданиям партнеров, например, если установка отца соотносится с установкой его детей хотя бы приблизительно так, как того ожидает (в отдельном или типическом случае) отец. В реальной действительности социальное отношение, полностью покоящееся на обоюдных, соответствующих друг другу по своему смыслу установках, – есть пограничный случай. Однако отсутствие обоюдности лишь тогда исключает ... “социальное отношение”, когда в результате этого исчезает взаимная соотношенность поведения сторон. Здесь, как и всегда, есть множество самых разнообразных промежуточных стадий...

Социальное отношение может быть преходящим или длительным, т.е. основанным на возможности того, что повторяемость поведения, соответствующего смыслу этого отношения (т.е. считающегося таковым и ожидаемого) существует» [Вебер, 1990: 630–633].

Два других «кита», подпирающих своими могучими телами здание мировой социологии, указывают на то, что такие формирующиеся и со временем изменяющиеся и трансформирующиеся отношения «в моменте» (т.е. в каждый конкретный отрезок времени) довольно мало зависят от самих людей. Обычно они присутствуют уже «на входе». Иногда лежащие в основании подобных отношений правила даже написаны на дверях для «не слишком понятливых». Потенциальные посетители бань обычно знают, как надо вести себя в таких местах и чем отличаются общественные парилки от отдельных кабинетов.

К. Маркс говорит, что люди вступают в определенные исторически складывающиеся отношения независимо от их воли и сознания (в каждую эпоху эти отношения разные); сами же воля и сознание людей в конечном счете детерминируются этими отношениями (в надстроечных явлениях находит отражение и преломление структурный расклад сил, оформившихся в базисе).

Э. Дюркгейм в свою очередь называет социальным фактом, – напомним тут школьное определение: «всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; ... распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [Дюркгейм, 1991: 421]. Люди рождаются, а общество всегда

уже существует с его регламентами, уставами, расписаниями, стандартами, кодексами, нравами, традициями и обычаями, условностями и приличиями.

Если отношения «схватились», «застыли», они стали институтами. Совокупность исторически сложившихся объективированных социальных отношений образует каркас системы общественных институтов, а сложный комплекс частично изоморфных этим отношениям субъективных ориентаций акторов образует культуру. И то и другое может быть в принципе наблюдаемо и, следовательно, подлежит изучению. Последовательно развертывающийся процесс рождения социальной реальности из недр множества переплетенных индивидуальных «свобод» мы можем представить себе только аналитически, но эмпирически мы всегда находим эту реальность как нечто наличествующее до нас.

У процессов социального конструирования реальности есть своя логика, и эта логика не является простым слепком людских намерений и расчетов, целей и стремлений. И человеческая свобода оказывается в указанном процессе лишь посредствующим звеном или приводным ремнем. Н. Элиас завершает свой очерк «Общество индивидов» словами: человеческая история вырастает из планов, но не является запланированной, движима целями, но без цели [Элиас, 2001: 99].

Люди очень часто «не ведают, что творят», не являются идеально информированными и идеально логически рассуждающими, не осознают начальных условий текущего событийного контекста и обстоятельств, не прогнозируют будущее на много шагов вперед (или прогнозируют неправильно), делают не то, что говорят, и говорят не то, что думают. В итоге результаты их совместной деятельности оказываются плохо предсказуемыми для них самих, а сама эта деятельность продуцирует множество непредвиденных и непреднамеренных последствий и иных побочных продуктов в облики институтов и артефактов культуры.

И еще, поскольку человеческая деятельность является по преимуществу совместной, на узко индивидуальном уровне она является слабо контролируемой (отдельно взятый человек вообще слаб: $1 = 0$), ведь ее исходы зависят не только от конкретного актора, но и в большей или меньшей степени от окружающих его людей (и обстоятельств). Вдобавок к этому всякий процесс социального формотворчества имеет свою историю, т.е. свою колею. Мертвые обладают властью над живыми, а конкретные традиции минувших поколений оказываются почвой, с которой так или иначе приходится считаться их потомкам и наследникам, стремящимся утвердиться и реализоваться (иногда наперекор предкам) в собственном настоящем. Поэтому-то общество и живет своей жизнью, оставаясь всего лишь «продуктом и результатом» скрещивающихся и пересекающихся людских воля, но являясь в то же время *самодовлеющей* силой, подчиняющей себе судьбы и биографические траектории миллионов единичных представителей рода человеческого.

Социальные действия людей свободны/волюнтаристичны/(в той или иной мере) осмысленны/интенциональны, ... и правилосообразны одновременно. Нормированность и правилосообразность элементов социального мира может осознаваться или не осознаваться индивидами, восприниматься или не восприниматься как нечто обременительное и принуждающее. Но в итоге (как бы то ни было) по совокупности причин происходит *отрыв*, в результате которого сама форма социальной связи, выражаясь в зimmelевском стиле, приобретает самостоятельность; аморфная материя обобществления упорядочивается, принимая вид геометрической фигуры.

Красивая философская метафора определяет человека как «вольноотпущенника природы». Мать-природа, действительно, отпускает своих сыновей на свободу (хотя все же частично, не полностью, так сказать, «условно-досрочно», включая режим «длинного поводка»; ведь элементы родительского контроля в отношении людей и природы всегда сохраняются). Но освободившись от тотальной опеки естественных закономерностей (в том числе собственных инстинктов) люди попадают в новое, теперь уже «рукотворное рабство», становясь зависимыми от институтов и культуры, которые они создают и производят сами как существа общественные, что находит ежеминутное отражение в их мышлении и поведении.

Разговоры о специфике каузальности, обнаруживаемой в синхронном и диахронном измерениях социальной жизни, могут вестись с учетом или без учета апелляции к человеческой субъектности как элементарной ячейке универсума человеческого общества. В любом случае нет необходимости в отрицании индивидуальной креативности мышления и действия, даже если исследователь исходит в своих рассуждениях из предположения, что социологические закономерности действительно существуют. Свободу индивида нужно рассматривать как дополнительный фактор сложности, который приходится принимать во внимание при построении объяснительных моделей обществоведческих дисциплин, а не как непреодолимое препятствие на пути научного анализа социальных явлений.

Так, индивидуальная физиономия социально-исторических событий разного масштаба наперед непредсказуема, как и конкретные констелляции многих природных явлений. Метеорологи, исходя из имеющихся у них данных, могут предсказать проливной дождь или шквалистый ветер в определенном регионе, но сказать точно, что конкретный ураган повалит вот это конкретное дерево, нельзя (хотя вполне резонным было бы предположить, что самый высокий шанс на падение имеется у полугнилого высокого дерева со слабой корневой системой).

Хрестоматийная критика вульгарных версий детерминизма в социально-гуманитарном знании содержится в «Нищете историцизма» и «Открытом обществе» К. Поппера. Философ признает возможность формулировки абстрактных социологических законов, соответствующих общенаучному типу «если a , то b при наличии условия c » (даже если некоторые из них придется признать тривиальными). Но из этого логически не вытекает возможность формулировки конкретных исторических законов (законы исторического развития человеческих обществ, позволяющих со стопроцентной вероятностью предсказывать будущее). Абсолютных, константных начальных условий, которые могли бы превратить сложный набор разнородных социологических закономерностей в единый закон общественно-исторической эволюции, не существует. Контексты исторических событий являются изменчивыми и плавающими. Например, Марксов прогноз гибели капитализма базировался на необоснованной экстраполяции в будущее тенденций, обнаруженных к середине XIX в.

Другой важный контраргумент Поппера, адресуемый наивной, но тоталитарной в своих амбициях историцистской футурологии, сводится к следующему соображению: развитие общества в значительной степени зависит от развития человеческих знаний, а конкретное направление развития знаний в будущем (в частности, науки) непредсказуемо [Поппер, 1993; 1992].

Действительно, скажем, из условной точки середины минувшего столетия, даже при близительных контурах новой цифровой эпохи первых десятилетий века нынешнего, повлиявшей самым решительным образом на характер жизни миллиардов людей на планете, были едва ли угадываемы. Точно так же и реалии первой четверти XXI в. не проливают сегодня света на очертания жизни людей грядущих десятилетий. Какое именно старое вишневое дерево упадет в бывшем саду дяди Вани в 2050 г., покажет только 2050 г.

Является ли каузальность бытийственной характеристикой объектов и их связей во вселенной или (универсальным?) способом организации когнитивного опыта субъекта – этот вопрос остается открытым. Но в любом случае без принципа причинности (пусть и принимаемого в самом усеченном виде и с массой оговорок) науке не обойтись. Установление корреляционных зависимостей между фактами в ходе эмпирического исследования и содержательная интерпретация обнаруженных связей как задача теоретического объяснения являются двумя смежными процедурами, уравновешивающими и дополняющими друг друга. И в этом отношении в социально-гуманитарных дисциплинах дела, скорее всего, обстоят так же, как и в науках о природе, – даже если науки о человеке и обществе по ряду причин и не могут достичь того же уровня валидности, систематичности и непротиворечивости исследовательских результатов, каковой демонстрируют в своих построениях многочисленные разделы естествознания. Поэтому обществоведам

и гуманитариям, в очередной раз тяжело вздохнувшим и покачавшим головами после выслушивания очередной порции разоблачительных обвинений, приходится снова закатывать рукава и приниматься за их «сомнительную», но интересную работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Виндельбанд В. История и естествознание. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1901.
- Дюркгейм Э. Метод социологии // О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Момджян К.Х. и др. Номотетическое познание в общественных и гуманитарных науках // Эпистемология и философия науки. 2015. № 3. С. 16–53.
- Монтескьё Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.
- Монтескьё Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2002.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академ. Проект, 2000.
- Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения в 5 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956.
- Поппер К.Р. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.
- Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1–2. М.: Феникс, МФ «Культурная инициатива», 1992.
- Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука, 1997.
- Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998.
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

Статья поступила: 21.06.24. Принята к публикации: 09.07.24.

WHY IS SOCIAL LIFE EXPLICABLE, BUT UNPREDICTABLE, OR HOW DOES FREEDOM GIVE RISE TO DETERMINISM?

PODVOYSKIY D.G.

Lomonosov MSU, Russia; RUDN University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Denis G. PODVOYSKIY, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. of the Lomonosov MSU; Assoc. Prof. of the RUDN University; Leading Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (dpodvoiski@yandex.ru).

Acknowledgements. The research was supported by RSF grant No. 24-18-00440.

Abstract. The article presents a critical reinterpretation and reconstruction of a key problem of social science: how a logically consistent and empirically substantiated explanation of social phenomena generated by the voluntarism of human actions, linked into complexes by a seemingly infinitely multiple contingency, is possible? In other words, we are talking about an attempt to answer the questions: how such a logically imaginary contingency is capable to generate elements of order at the empirical level, why social interactions have relative stability and reproducible character, what role do so-called unintended consequences of socially oriented (but dictated by «personal motives») human actions play in the processes of morphogenesis of society?

Keywords: causality, cause-and-effect relationships, regularity, free will, contingency, social action, social relationship, social institutions, methodology of social sciences and humanities.

REFERENCES

- Durkheim E. (1991) *The Rules of Sociological Method*. In: *The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Elias N. (2001) *The Society of Individuals*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Momdjani K.H. et al. (2015) Nomothetic knowledge in social sciences and humanities. *Epistemology & Philosophy of Science*. No. 3: 16–53. (In Russ.)
- Montesquieu Ch.L. (1999) *The Spirit of Laws*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Montesquieu Ch.L. (2002) *Persian Letters. Considerations on the Causes of the Greatness of the Romans and their Decline*. Moscow: Kanon-press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Parsons T. (2000) *The Structure of Social Action*. Moscow: Akadem. Proekt. (In Russ.)
- Plekhanov G.V. (1956) On the Question of the Individual's Role in History. In: *Selected philosophical works in 5 vol.* Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Popper K.R. (1992) *The Open Society and Its Enemies*. Vol. 1–2. Moscow: Fenix, MF «Kulturnaya iniciativa». (In Russ.)
- Popper K.R. (1993) *The Poverty of Historicism*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Rickert H. (1997) *The Limits of Concept Formation in Natural Science: A Logical Introduction to the Historical Sciences*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Rickert H. (1998) *Science and History: A Critique of Positivist Epistemology*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Schutz A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetjashchiysya smyslom* [Selected works: A world glowing with meaning]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Weber M. (1990) Basic sociological concepts. In: *Selected works*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Windelband W. (1901) *History and Natural Science*. Moscow: Tov-vo tip. A.I. Mamontova. (In Russ.)

Received: 21.06.24. Accepted: 09.07.24.